

Царство женщин

Автор:

Казимир Валишевский

Царство женщин

Казимир Феликсович Валишевский

Историческое сочинение «Царство женщин» польско-французского историка Казимира Валишевского (1849-1935) на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных изложений истории России в эпоху дворцовых переворотов, созданное писателем на основе реальных исторических документов. Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

Казимир Валишевский

Царство женщин

Предисловие

Порядок, в котором эти исследования являются на суд публики, не имеет в себе ничего произвольного, хотя так и кажется так на первый взгляд. Я откровенно признаюсь, что мною руководило предполагаемое в публике любопытство, которому автор не может навязывать ни своего таланта, ни предмета, занимающего его. В малознакомых странах прежде всего внимание путешественника привлекают на себя наиболее близкие, а также наиболее возвышенные точки. Задача этой книги – заняться промежуточным пространством. Но последуют ли за проводником?

Советую моим читателям припомнить русскую пословицу: «Громада, т. е. толпа, – великий человек». Сам Петр I, – как я пытался доказать, – был только выражением коллективного целого массы собранных воедино энергий, развитие которых не сохранило после него той головокружительной быстроты, но характер и внутренняя сила которых выяснилась именно тогда. Поглощая эти элементы в своей могучей личности, он подавлял и маскировал их. Впоследствии же они вырвались наружу, и с какой силой! С точки зрения политического и общественного движения, эпоха, которой мы намерены заняться, соответствует одному из периодов застоя, даже как бы отступлений назад, по-видимому, представляющих постоянный закон в развитии русского народа. Однако жизнь трепещет и во время таких остановок, под хаотической, странной, иногда чудовищной внешностью.

Мне уже делали упрек в слишком большом пристрастии к живописной стороне исторических событий. На этот раз рискую навлечь на себя этот упрек еще в большей степени. Но я убежден, что в этом отношении между мною и моими критиками существует простое недоразумение и смешение следствия с причиной. Этот спор похож на упрек, который обитатель равнины мог бы сделать обитателю Бернского кантона: «Вы показываете мне одни только горы»! И притом история России в XVIII веке не швейцарский пейзаж. Скорее это пейзаж из эпохи Мироздания. Вы присутствуете при возникновении мира. Все здесь выдвигается вдруг, внезапно, все полно резких противоположностей. Редкая глава этой книги не послужит сюжетом для драмы или романа. И один недостаток последних – это то, что в них внесли вымысел – совершенно излишний! Неприкрашенная действительность этой эпохи оставляет позади себя воображение всех Дюма.

Царство женщин должно было наложить романтический отпечаток на эпоху, продолжавшуюся почти три четверти века, что тем более за все это время никакой закон о престолонаследии не вмешался для ее установления или поддержания. Страна самовольно установила у себя это царство женщин. И точно так же она поступала с ними.

Освободившись от деспотизма создателя народного величия, дух анархии и искания приключений, лежащий в основании всякого образующегося общества, предъявил свои права под различными формами. Царство женщин был одной из них, а правление фаворитов – другой.

И то и другое замечательным образом способствовало возникновению тех преданий и анекдотов, в пристрастии к которым меня обвиняли. Я люблю их, когда они забавны, но считаю своей обязанностью относиться к ним, как они того заслуживают, если они ложны. Но и тогда я считаю возможным истолковать их в правильном смысле. Каким образом? Я уже говорил об этом в другом месте. Сопоставляя имеющийся материал и согласуя его. Мне делали на это возражение, что в таком случае количество заменяет мне качество. Это возражение не убедило меня. Спросите двух людей, бегущих по улице, куда они бегут. Один ответит вам, что пожарные проехали к театру; другой – что загорелась городская дума. Вы ошибетесь немногим, заключив, что они увидели где-то дым. Вряд ли я сочту безупречной женщину, которой приписывают двадцать любовников, но я не стану искать в этом еще каких-либо указаний. А подобных фактов масса даже в истории.

По мнению других критиков, я вообще слишком осторожен в своих заключениях. Действительно, я не считаю торговцем непреложными истинами. Нетрудно ухватить один звук, слушая один только колокол. Я же стараюсь ввести как можно больше колоколов в мой звон.

Среди документов, которыми я пользовался, есть немного совершенно неизданных, я постарался проверить прочие по источникам, и эта предосторожность не оказалась бесполезной для меня. Приношу благодарность моему молодому другу Зихель-Дюлону, оказавшему мне помощь в моих поисках в дрезденском архиве, а также его светлости князю Гогенлоэ, германскому канцлеру, и г. Козер, директору государственного берлинского архива, доставивших мне доступ и возможность пользоваться этими драгоценными хранилищами, где я нашел несколько указаний и документов, значение и интерес которых для этой книги, а еще больше для последующей – читатель, конечно, оценит.

К. Валишевский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕНА И ВНУК

Глава 1

Государственные перевороты, возведенные в правило. Екатерина I

I. Наследие Петра Великого. – Никаких указаний. – Ни завещания, ни династии, ни закона о престолонаследии. – Парии. – Екатерина, руководимая умными советниками, действует ловко. – День 28 января 1725 г. – Наскоро созванное избирательное собрание. – Вмешательство гвардии. – Избрание Екатерины. – II. Периодические государственные перевороты. – Военная диктатура. – Политические и общественные последствия. – Свобода сословий. – Правление женщин. – Его исторические элементы. – Женщина в славянской старине. – Русские женские типы. – III. Нравственный облик новой государыни. – Окружающие и двор. – Приближенные. – Семья. – Голштинский дом. – Герцогиня Курляндская. – Наперсники и любовники. – Искатели приключений – немцы и польские перебежчики. – Левенвольд. – Сапега. – Интимные нравы. – Непрерывные оргии. – Видимое отсутствие правительства. – Ключ к загадке.

I

Легендарный проект революционного декрета в двух статьях: «Ст. 1. Не следует делать ничего. Ст. 2. Исполнение сего декрета не возлагается ни на кого» – нашел себе буквальное применение в России после смерти ее великого руководителя. Не стало государя в стране, где вся власть сосредоточивалась в его руках, и не было никого, кто бы мог заменить его. Не было ни наследника, ни закона о престолонаследии. Закон воплощался в нескольких словах, написанных самим Петром уже костенеющей рукой в минуты агонии: «Отдайте все...» Он не мог кончить, и от его воли, бывшей всем, не осталось ничего.

В древней Москве этот вопрос решался на основании обычая. Последний был склонен следовать естественному закону наследования в нисходящей линии, и в конце XVI века этот принцип, по-видимому, упрочился. Но в 1598 г., после смерти последнего сына Ивана Грозного, он не мог примениться: дом Рюриковичей прекратился. Первый из Романовых (1613) занял престол по избранию. Он был избран всей страной – или, как тогда говорили, «всем народом» – в собрании местных бояр. Принцип, по-видимому, снова вошел в силу, когда Алексей

наследовал своему отцу, Михаилу Федоровичу, а Федор Алексеевич, в свою очередь – отцу Алексею Михайловичу. Но после смерти Федора снова оказался перерыв и наступил произвол. Был избран Петр I, но он разделил трон со старшим братом Иваном, и в продолжение некоторого времени существенную часть наследия у них отнимала сестра, Софья. В 1722 г. Петру, в свою очередь, вздумалось внести в этот закон, столько раз нарушаемый, новый принцип: право государя назначать себе преемника. Говорят, что он сам воспользовался этим правом, назначив в завещании, оставленном им при отправлении в персидскую кампанию, себе преемницей Екатерину. Но тут случилось дело Монса,[1 - См. Валишевский. Петр Великий. Деша датского посла Вестфалю, Москва 24 апреля (5 мая) 1729 г. в Сборнике Императорского Русского Исторического Общества, LXVI. То же свидетельство о завещании в записках Кампедона. (1724). Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Т. XIX.] и завещание было уничтожено. Следовательно – опять ничего.

Здесь, для объяснения, каким образом был найден выход из этого тупика, мы должны были бы обратиться к теории эволюционистов о создании органов исполняемыми ими функциями. Судя по донесению посла Рабутина,[2 - V?schings Magazin. XI.] в то время в Петербурге существовало три главных партии. Кроме дочерей, рожденных Екатериной (Анны и Елизаветы), у Петра были двоюродные сестры – дочери его старшего брата Ивана (герцогиня Мекленбургская, герцогиня Курляндская и Прасковья Ивановна), права которых могли казаться большими, и внук – сын несчастного Алексея, рожденного первой женой императора, Евдокией. Ребенку было всего девять лет, и он не был в состоянии управлять государством. Но тем не менее завязалась борьба между партией этих наследников и мачехой – второй женой Петра. Знать, вообще, стояла на стороне малолетнего Петра Алексеевича, видя в нем возможность отмстить реформатору и вооружиться против его реформ. К несчастью, Петр разрядил ряды этой именитой знати вокруг трона. Осталось только несколько Голицыных и Долгоруких, да два старых военных – князь Репнин и Борис Шереметьев. Самый отважный из Голицыных – Михаил – был в это время с войском в Украине. Прочий персонал, управлявший делами, состоял из выскочек, креатур преобразователя, которых исчезновение его грозило повергнуть обратно в ту неизвестность, откуда он извлек их. Единственным спасением для них было продлить царствование в прежнем духе. Естественно, что их взгляды обратились на подругу царя, с которой – они это чувствовали – их связывали общие интересы и стремления. Она была их поля ягода – такая же выскочка и креатура, как они. Особенно Меншиков имел причины считать ее своей союзницей. Но также и Девьер, и Ягужинский имели повод отдать ей преимущество. За неимением завещания, они приводили слова Петра – которым

можно было придать двойное толкование – будто бы сказанные им накануне коронации его жены, во время пирушки у одного голландца.[3 - Германн. Geschichte des russ. Staats, со слов Бассевича. Также В?schings Magazin. XI.]

Иных доводов у них не было.

Третья партия мечтала об ограничении самодержавия во вкусе шведской конституции и готова была высказаться за того из кандидатов, который охотнее всего согласился бы на подобную реформу. Но Петр поставил всех в тупик своею смертью: умерши так же, как жил и действовал – с молниеносной быстротой. Ни у одной партии не было ничего подготовлено. Ни следа какой-либо организации. У одной только Екатерины было действительное оружие в руках. За нее, кроме того, стояли все иностранцы, опасавшиеся возвращения к прежним московским традициям, которым, казалось, угрожал им сын Алексей. То же самое было во всех коллегиях, где большинство членов были также иностранцами. За Екатерину же стоял Синод – плод реформы Петра, – а из сотрудников Петра – наиболее энергичные и влиятельные. Даже некоторые представители знати: Толстой, как палач Алексея, контр-адмирал Апраксин, как друг Толстого и Меншикова.[4 - Соловьев. История России. Т. XVIII; Германн, IV. Соловьев основывается главным образом на переписке французского посла Кампредона.] На ее же стороне стоял герцог Голштинский, жених одной из ее дочерей, а благодаря ему и провинции, завоеванный у Швеции – Ливония, Эстония, Карелия, питавшие смутную надежду, что она возвратит их матери. Наконец, в ее руках находилась государственная казна.

Найдя хороших советников, Екатерина сумела благоразумно воспользоваться их указаниями. В сутки, предшествовавшие катастрофе, она часто уходила от постели умирающего и, запершись у себя, вела искусный торг. В это время у нее перебывали гвардейские майоры и капитаны – и уходили, унося с собой обещания и задатки: немедленную уплату жалования, не выдававшегося полтора года; выдача каждому солдату по тридцати рублей награды.

Одним из подполковников был Меншиков. Другой – Иван Бутурлин, принадлежавший по всем своим семейным связям к противоположной партии; но он был в ссоре с князем Репниным, президентом Военной коллегии, и также посетил Екатерину.

Таким образом подготовлялся день 28 января 1725 года. Петр умер в 5 часов. В 8 часов Сенат, Синод и так называемый генералитет — чиновники,

принадлежавшие к первым четырём классам по табели о рангах, учрежденной Петром – Собрались в Зимнем дворце. Кто их созвал? Никто. Вошло уже в обычай, что в критические моменты лица, составлявшие естественную опору трона, немедленно отправлялись в место пребывания правительства. Тотчас же начались ссоры о престолонаследии и самые бурные. Первым заговорил Дмитрий Голицын, предлагая преемником малолетнего Петра Алексеевича при регентстве императрицы и Сената. Собственным почином это импровизированное собрание превратилось в избирательное. Толстой горячо возражал. Регентство Софьи оставило плохие воспоминания. За Екатерину говорили ее способности, добродетели и желание самого Петра, чтобы корона перешла к ней. Во время речи Толстого одобрителный ропот, донесшийся из одного угла залы, обратил внимание на группу гвардейских офицеров, собравшихся там, собственно не имея никакого права присутствовать в столь высоком собрании. Репнин вскочил, резко крикнув на них. Вместо всякого ответа Бутурлин подошел к окну и сделал знак рукой. В ответ послышался барабанный бой. Внутренние дворы и все входы во дворец были заняты войсками. Здесь находились полностью оба гвардейских полка. – Кто осмелился... без моего приказа?.. – начал было Репнин. – У меня приказ императрицы, – невозмутимо ответил Бутурлин.

После этого дебаты продолжали только для формы. Для формы Апраксин запросил статс-секретаря Макарова, существует ли завещание. Когда последовал ответ, что «ничего нет», адмирал предложил отправиться «заявить верноподданнические чувства царствующей императрице». И все пошли. Екатерина вступила на престол.

По какому праву? Опубликованный в то же утро манифест также ссылался на коронацию 1724 года, как на факт, указавший новую государыню. Но все понимали, что она была обязана властью выбору некоторых из своих подданных, опиравшемуся на военную демонстрацию, которая и положила конец всем спорам. По-видимому, Репин, Дмитрий Голицын и Долгорукий, желая, чтобы начатое так дело получило санкцию коллективного выбора, в котором приняли бы участие все сословия. Но гвардейские офицеры и слышать об этом не хотели. Они заявили, что изрубят в куски всякого, кто осмелится не признавать их императрицы.[5 - Брикнер. «Вестник Европы», 1894. На основании донесений венского резидента Гогенгольца.] Несколько отдельных личностей протестовали. Два раскольника отказались принести присягу: «Раз баба стала царем, пусть бабы ей и крест целуют». Но после двух допросов в застенке[6 - Костомаров. «Монография» и «Исторические изыскания».] их упрямство рукой сняло. Масса оказалась вполне покорной.

Таким образом создан новый способ передачи верховной власти. Он сохранился с небольшими вариантами до восшествия на престол Павла I в 1796 г. Екатерина I, правда, оставила завещание, в котором назначала Петра Алексеевича своим преемником; но, снова нарушая закон 1722 года, она пожелала установить вечный порядок престолонаследия, возвращаясь к старому принципу престолонаследия по нисходящей линии. Когда Петр Алексеевич умер после четырех лет царствования, никто и не вспомнил об исполнении этого завещания. – Анна I, Иоанн VI, Елизавета и Екатерина II были обязаны своим воцарением последовательно государственным переворотам, подобным описанному мною, причем гвардия постоянно играла в этих переворотах роль древнего хора. Лица, произведшие переворот 1762 г., не руководились даже тенью какого-либо принципа, и Орловы с женой Петра III пошли кратчайшим путем – тем, которым всегда идут военные, чувствуя за собой силу.[7 - Дитятин. Этюды к русскому государственному праву.]

Эта военная диктатура была сначала только орудием в руках некоторых начальников. Впоследствии, в корпорации, из которой она произошла, проснулись идеи независимости, на которых отразилось ее возникновение. В гвардии даже простыми солдатами служил цвет дворянства. И это повело к важным последствиям в политическом и общественном отношениях. Роль, выпавшая в долю одной из ее фракций, дала всему дворянству сознание, что оно правящий класс в стране. Хотя попыткам олигархии и затем конституционных реформ, самонадеянно предпринятых ею, было суждено окончиться быстрой неудачей, однако, гонимая за этим призраком, она имела удачу не остаться с пустыми руками. Характеристичной чертой всей эпохи со смерти Петра Великого и до восшествия Александра I является постепенное освобождение сословий от всевозможных тормозов, которыми их опутывала организация древней Москвы, да и Россия позднейшего времени. Первым освободилось дворянство. Петр Великий подчинил его значение, как владельца главного государственного капитала – земли – его значению как слуги государства. Мир при его преемниках отодвинул на второй план это значение, но вместе с тем важность, приобретенная правящим классом, побуждала само правительство поддерживать экономические интересы этого класса. Не теряя ничего из своих прав и даже приобретая новые, дворянство мало-помалу освободилось от военной службы, самой тяжелой из всех повинностей. Это пало сначала тяжестью на прочие сословия, затем, по естественной игре общественного

сцепления, и эти сословия воспользовались выгодами, приобретенными таким освобождением. Мы проследим успех этой эволюции.

С помощью государственных переворотов царство женщин продержалось целых 70 лет. Явление это не представляет ничего выходящего из ряда вон для славянской земли. В России, также как в Чехии и даже Польше, женщина в древности часто проявляла черты амазонки. Козьма Пращский говорит об основании женского города Девина на скале близ столицы. Легендарная служанка знаменитой Любуши, Власта, мечтала подчинить все правительство Чехии женщинам, с помощью крайне жестоких мер. Предполагалось выкалывать всем младенцам мужского пола правый глаз и отрубать большие пальцы на обеих руках. Но применение этих мер встретило сопротивление, и Власта погибла в борьбе. В русских былинах один из богатырей Киевского цикла, Добрыня, попадает в плен к поленице, которая, схватив его за русые кудри, приподнимает с земли. Иногда побежденные мстят за поражение – любовью. Но измены в этом отношении не допускается! Тогда к изменнику обращаются с такою речью: «У меня два меча, два кинжала; наяду на твои рученьки-ноженьки, наварю пива из твоей крови, намокаю свечей из твоего сала». И обманутая героиня держит слово. Она приглашает на пир родителей изменника и предлагает загадку: «Сижу на любимом, пью его и свечу им себе». Сам непобедимый Илья Муромец находит себе достойную соперницу в Палке, дочери Соловья-разбойника. С женою Дуная не может сравняться ни один киевский стрелок.

Такое превосходство зависит не от одной только физической силы или ловкости. Древние славяне склонны были видеть в женщине колдунью, имеющую сношения со сверхъестественным миром и обладающую могучими чарами. Даже вселяемая женщиной любовь приписывалась колдовству. В действительности же первыми могущественными князьями, законодателями, судьями, организаторами славянских земель были женщины: Любуша в Чехии, Ольга – в России, как впоследствии великим человеком своего века стала жена Петра III – Екатерина Великий.[8 - Так называл Екатерину II Вольтер.]

Народная традиция сломилась только под влиянием Византии и татарского ига. И, наконец, патриархальная организация нанесла ей решительный удар, создав новый порядок вещей, сущность которого прекрасно передается народной поговоркой: «Кому воду носить? – Бабе. – Кому битую быть? – Бабе. – А за что? – За то, что баба». У алтайских племен презрение к женщине составляло основание общественного строя, и на родине Ольги, несмотря на все предшествовавшее,

патриархальный строй нашел такую благоприятную почву для своего развития, что русское общество XVI и XVII вв. кажется близким к Японии, Китаю или Риму времен патрициев. Личность нигде не играет никакой роли.

Однако традиция сохраняла свои глубокие корни. В Новгороде, несмотря на Византийское влияние, женщины еще появлялись на народных собраниях. Марфа Борецкая в Новгороде, великая княгиня Евдокия и Софья в Москве, Евдокия и Анастасия в Твери, Анна в Византии, Елена в Суздале, принимали участие в общественной жизни, давали аудиенции послам, появлялись в торжественных обедах. Кое-какие остатки всего этого сохранились и до позднейшего времени, несмотря на явный шаг назад. Убегая от домашнего гнета, женщины XVII века организовывали вооруженные шайки. Древние поленицы имели до последнего времени преемниц, вошедших в историю. Во главе одной из шайек, следовавших за Стенькой Разиным (1671 г.), Григорий Долгорукий встретил женщину, которую любезно распорядился сжечь.

Но даже в тереме допетровских преобразований женщина не приняла вполне восточного характера. Ее, правда, держали взаперти, ценили ее красоту на вес – причем только пять пудов считалось допустимым минимумом. Любили ли ее? Только физически и грубо, на что указывают и поэтические произведения того времени, где грубая чувственность занимает место отсутствующего чувства. Тургенев сказал: «Наша так называемая эпическая литература одна между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представляет никакой типической пары любящих существ».[9 - Дым.] Вспомним предание о князе Петре и жене его Февронии. Изгнанные из Москвы, они едут вниз по реке в лодке. Одному из спутников царя приходит мысль поухаживать за княгиней. Она велит ему зачерпнуть воды сначала справа от лодки, потом слева и выпить ее. – Сладше ли вода с одной стороны, чем с другой? – Одинакова. – Ну вот, и женщина одинакова, где бы вы ее ни взяли».

Но при всей тирании и унижении, женщина отчасти царит в домашней жизни. Закон и обычай единогласно отводят ей здесь в некотором смысле привилегированное положение. Она управляет домом. Она может наравне с мужчиной и вполне самостоятельно владеть имением, крепостными и распоряжаться ими по своему усмотрению. Это обстоятельство заставляет выдвинуться тип барыни-хозяйки. И этот тип ясно обозначается, когда женское влияние торжествует и женщина призывается к почестям и тягостям высшего сана. Мы видим такой тип с начала героической эпохи и до рубежа XIX века. Анна и Елизавета, после Екатерины I, являются именно представительницами

этого типа на престоле, проявляя такую же патриархальную простоту, как любая дворянка, управлявшая своей вотчиной во времена Алексея Михайловича. И такую же суровость. Очень ясное представление о такой личности может дать нам герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, которая, присутствуя однажды на представлении одной трагикомедии, заметила, улыбаясь, своему соседу, иностранному дипломату (Бергхольцу), что актер, игравший царя – один из ее «холопов» – перед выходом на сцену получил двести палочных ударов.

С сестрой Петра Великого, Наталией Алексеевной, появляется новый тип – тип артистки, писательницы, провозвестницы женщины-доктора будущего. И в быстром развитии последнего типа в наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, истории, как и традиции, были скорее неблагоприятны для развития части интеллектуальных способностей в этой сфере. Из пятисот портретов, собранных в словаре Бантыш-Каменского, начиная с Баяна, только двенадцать женских, да и те сомнительного достоинства. И не в такого рода качествах надо искать секрета необыкновенного счастья, выпавшего на долю мариенбургской пленницы.

III

«Допетровская Русь прошла к новой России через публичный дом», – сказал Герцен. Это преувеличение; однако, уже из того, что сообщено мною о происхождении и правах этой необычайной наследницы,[10 - См. Петр Великий.] призванной продолжать царствование Петра, уже ясно, что нельзя совершенно отрицать некоторой справедливости в словах ядовитого публициста. Было высказано сомнение в ценности некоторых приведенных мною свидетельств. Но вот одно, которое уже недоступно никаким сомнениям. Я заимствую его из официального сочинения, содержащего в себе избранные выдержки из переписки русских государей. Само собой разумеется, что выдержки не могли быть заведомо доброжелательными. 18 июня 1717 г. Петр пишет жене из Спа, где он лечился, и поручает отвезти письмо любовнице, которую отсылает от себя по совету докторов, запретивших ему до поры до времени «всякую домашнюю забаву».[11 - «А понеже во время пития вод домашней забавы дохтуры употреблять запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели бы при мне была». Из Шпа в 18 день июня 1717. (Письма русских государей. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел).] Вот ответ Екатерины:

«Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах, невозможно с нею веселится и тому верю; однако ж больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гагу, и не желала бы я (о чем Боже сохрани!) чтоб и галан[12 - Возлюбленный – galant.] той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала». Довольно ядовито сказано, но Екатерина не злопамятна, что показывают заключительные строки письма: «А что изволите в другом своем писании поздравлять имянинами старика[13 - Самого Петра.] и шишечкиными,[14 - Сын Петра и Екатерины, тоже Петр, умерший по второму году.] и я чаю, что ежели бы мой старик был здесь, то б и другая шишечка на будущий год поспела».[15 - Письма русских государей и других особ царской семьи. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел.]

Мы, очевидно, далеки от Людовика XIV и Марии-Терезии, даже от мадемуазель ла Вальер и наименее наставительных образов, завещанных любовными приключениями тех времен Западу. И я остаюсь при убеждении, что подошел насколько возможно ближе к истине в портрете этой невероятнейшей из императриц, который пытался нарисовать и к которому уже не думаю возвращаться. К сожалению, полагаю, что пробелы и неясные точки останутся в нем всегда. Герцен упоминает еще о лубочной картине, виденной им в гостинице и наводящей на размышления. Она представляет Петра, сидящего за столом, уставленным яствами и бутылками, и Меншикова, приводящего ему «на закуску» дебелую красавицу. Внизу подпись: «Верный подданный уступает любимому им царю самое что у него ни на есть драгоценное». Эта картина, если она существует, заключает в себе все, что есть достоверного в прошлом Екатерины Первой до ее возвышения на степень супруги и государыни.

В 1702 г. ее звали Марфой, и от дома пастора Глюка до лагеря завоевателя Ливонии она исполняла обязанности девушки, приученной к самым грубым домашним работам, а вместе с тем не отказывавшей в услугах более интимного свойства, в которых никогда не отказывали особы ее положения. К концу следующего года Петр привез ее в Москву, где у нее, вне брака, родились дочери Анна и Елизавета, и где ее перевел в православие поп Василий, впоследствии архимандрит Варлаам. Только тогда она приняла имя Екатерины. С Петром она была обвенчана в 1712 г. Здесь я буду говорить о том, что она представляла из себя, уже будучи самодержицей всероссийской.

По словам Кампредона, она не умела ни читать, ни писать, но после трех месяцев упражнения научилась прилично подписывать государственные бумаги.[16 - Документ от августа 1726 г. Архив французского Министерства иностранных дел. *Memoires et documents* – Россия. Т. V.] К дипломатическим свидетельствам можно отнести с сомнением и не без причины. Но вот еще свидетельство, уже неопровержимое: это книга приходно-расходная комнатных денег императрицы Екатерины – за время от 1722 до 1725 г.[17 - «Русский Архив», 1847, т. I.] Из нее перед нами встает целый нравственный облик. В этой записи можно с удовольствием прочесть о поощрении, оказываемом науке: один преображенец, пожелавший ехать учиться в Амстердам, получил двадцать червонных, и столько же выдано составителю французской грамматики. Но и только. Большинство же императорских щедрот относятся к писарям, садовникам, подносящим какой-нибудь особенный салат или возвращающим редкие, ранние овощи, паяцам... Один из них, ходящий на голове, получил тридцать червонных, между тем как царевна Наталья Алексеевна в свои именины получила всего двадцать, в новом кошельке. В марте 1724 г. княжне Голицыной оказана почти такая же щедрость, как паяцу: двадцать три червонных, чтоб плакала о сестре.[18 - Декабря 5. Дано Ивану Семенову сыну Горецкому, который поднес ее величеству книгу, грамматику французскую в день тезоименитства ее величества... 20 червонных. Марта 14. Изволила ее Императорское величество пожаловать княгине Наталье Петровне Голицыной 23 червонных, для того, чтобы она плакала по сестре, и она плакала того же числа. 21 декабря. Дано садовнику Матису за поднос огурцов ее величеству 2 червонных. 24 декабря. Изволила ее величество быть в своем огороде: Дано садовнику Ивану Яковлеву 5 червонных, да садовникам же 6-ти человекам, которые при нем в науке, по 1 червонному. Садовнику Якубу Трифонову, что у него жена родила двух сыновей, дано 2 червонных. 16 января. Изволила их величество быть в зимнем доме и смотреть суки Левины детей и дано псарю Исаю 7 червонных. 16-го же. Садовнику Улфу Уффельт 5 червонных, который из Дубков привез салат и редьку в дом ее величества. 20-го же. Дано в Царском селе садовнику Якубу Кашперту 10 червонных за принос овощей и т. д.] Кое-где несколько проявлений жалости и сострадания. Русская женщина XVIII века была сострадательна к несчастным и охотно помогала им. В «Всякой всячине» Екатерины II очень поучительна в этом отношении одна сцена: посещение тетки племянником, желающим получить наследство. Чтобы добраться до нее, ему приходится пробраться через целый ряд нищих, слепых, калек. Передние Екатерины I – когда они завелись у нее – представляли подобное же зрелище. Солдаты, матросы, ремесленники приходили туда ежедневно просить: кто помощи, кто царицу быть у него кумой. Она никогда не отказывала и давала по несколько червонных каждому из своих крестников. Она назначала приданое

сиротам, выдавала пенсии ветеранам шведской войны, раздавала подаяния священникам, монахам, певчим, приходившим с рождественскими песнями. Находим два червонных, выданных мужику, который не мог заплатить подушной подати; но столько же получал другой, оказавшийся способным в восемьдесят лет взлезть на дерево.

Вы понимаете разницу! Одна только крупная трата – Екатерина располагала тогда еще очень небольшими средствами – на уплату в 1724 г. за груз водки из Данцига. Еще красноречивое прибавление 25 сентября 1725 г. – уже после смерти Петра: изволила ее Императорское Величество пожаловать княгине Анастасии Петровне Голицыной (княгине-игуменье оргий предшествовавшего царствования) десять червонных за то, что она выпила при столе ее величества два кубка пива английского. Октября 12-го величество императрица изволила пожаловать светлейшей Анастасии Петровне двадцать червонных, за которые выпила два бокала вина виноградного красного. Неделю спустя, 19 октября: в вечернее кушанье указала, вероятно, ее величество государыня императрица пожаловать светлейшей княгине Голицыной 15 червонных, за кои червонные выпила она большой кубок виноградного вина. В то же число положено в другой кубок 5 червонных, который она не выпила, и оные червонные отданы мундшенку Григорию Будакову; итого обошлось 20 червонных.

Где мы? Все это напоминает как бы притон разврата. Дипломаты и собиратели анекдотов тут не при чем. Но и у них множество указов в том же духе. Секретарь саксонского посольства, Френсдорф, описывает утренние визиты Меншикова своей бывшей служанке, которую он застает еще в постели. Разговор неизменно начинается вопросом: «Чего бы там выпить?» После того осушают несколько стаканчиков водки, и круговая идет до вечера; вино чередуется с простой и иностранными наливками.[19 - Hermann.] А Кампредон вводит в свои «Мемуары» 1726 г. следующий характерный рассказ: «Несколько дней тому назад после ужина разговор, обыкновенно не серьезный, перешел на маленькую княжну Наталью, умершую через несколько дней после царя. Царица заплакала. Ее горе вызвало тяжелое молчание всего общества. Тотчас после ужина, прежде чем еще удалились не приглашенные, предоставив полную свободу небольшому числу гостей, остающихся на ночную вечеринку, продолжающуюся обыкновенно в последние шесть месяцев до девяти часов утра, граф Сапега, порядочный ветреник, всегда гонявшийся за весельем, взял стакан и крикнул громко: „Кто скажет «масса“.[20 - При игре в кости начинали партию, говоря, например: «Масса десять пистолей».] Царица ответила «Топ!» и, отерев слезы, осушила стакан вина».

О том, каковы были эти «вечеринки» и каковы были участвовавшие в них, «Мемуары» вдаются в большие подробности. «Меншиков только для совета. Ягужинский на все руки, и всякому приходит черед... Барон Левенвольд, кажется, пользуется наибольшим влиянием... Девьер принадлежит к явным фаворитам... У графа Сапеги тоже свое место. Это красивый малый, хорошо сложенный, в полной силе молодости. Ему часто посылают букеты и драгоценные вещи... Есть еще фавориты второго класса, но их знает только фрейлейн Иоганна, старая горничная царицы, ведающая ее развлечениями».

Записки таким образом только резюмируют переписку, относящуюся к периоду от 1725 до 1727 года и изобилующую подобными чертами:

«14 октября 1725 г. – Царица (Екатерина I) продолжает с некоторым излишеством предаваться удовольствиям, до такой степени, что это отзывается на ее здоровье.

22 декабря. – Царице было довольно плохо после кутежа в день св. Андрея... Кровопускание принесло ей облегчение; но так как она чрезвычайно полна и ведет жизнь очень неправильную, то думают, что какой-нибудь непредвиденный случай сократит ее дни».[21 - Архив французского Министерства иностранных дел.]

Датский посол Вестфаль, со своей стороны, высчитал количество венгерского вина и данцигской водки, потребленных за два года царствования, и получил сумму около миллиона рублей[22 - Корсаков. Воцарение Анны I.] – недурная цифра для государства, общие доходы которого составляли всего около десяти миллионов.

Это свидетели пристрастные? Может быть. А расходная книга? Я согласен руководствоваться исключительно ею. Хотя и Кампредона никак нельзя назвать неприязненным соглядатаем. Он в это время мечтал о франко-русском соглашении и примешивал к своим рапортам самые лестные отзывы о «талантах» и «уме русской государыни», прибавляя в то же время, как она собственноручно пыталась одну из своих женщин, виновную в том, «что та разболтала, как заставила вылезти из-под ее (императрицей) постели камергера, притворившегося пьяным и намеревавшегося дожидаться там часа, удобного для любовников». Кампредон отдавал справедливость мужеству и самообладанию храброй подруги, которой Петр приписывал свое спасение в роковой день при Пруте. Он рисовал ее производящей смотр своим гвардейцам и

даже не вздрогнувшей при залпе, – по случайности или нарочно, – убившем человека в четырех шагах от нее. «Пуля была не для того бедняка», – просто сказала она, подозвав начальника маневров и вырывая у него шпагу.[23 - 12 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.] Но на французского посла, также как на всех его товарищей, общий строй жизни при новом царствовании производил впечатление вечного празднества, превращаемого, благодаря склонностям императрицы и традициям предыдущего царствования, в оргию.

Приближенных императрицы, старых и новых, уже было бы достаточно, чтобы придать ее царствованию именно такой характер. Началось с камер-фрау. Их было три немки, во главе с Анной Крамер, плененной, как ее госпожа, при взятии Нарвы и посланной с семьей в Казань. Местный губернатор, «оценив ее», по выражению князя Долгорукова в его «Записках», [24 - 1867—71 г.] последовал примеру Меншикова, уступив ее Петру, который сначала поместил ее при девице Гамильтон (одной из своих любовниц), затем при самой Екатерине, сделав ее фрейлиной; потом она стала его домоправительницей и, наконец, перешла гофмейстериной ко двору великой княжны Наталии Алексеевны. Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова, немецкого имени которой, скрытого под этой русской фамилией, мне не удалось узнать, довершали в 1725 году трио. Два года спустя Крамер в обществе четвертой немки, Каро, как говорили, бежавшей из гамбургского публичного дома – вот почти буквальное подтверждение слов Герцена – попала в тюрьму за кражу бриллиантов. По смерти великой княжны Наталии один из ее перстней очутился на пальце секретаря – немца молодого князя Долгорукова, фаворита Петра II.[25 - Сборник. V. См. Есипов. Горничная Екатерины I. «Исторический Вестник».]

Из русских только две были близки к императрице: девица Толстая и вышеупомянутая княгиня Голицына, подвиги которой мы видели.

Нечего сказать, хорошая компания! Но и сама семья стоила своих слуг. 21 мая 1725 г. была свадьба старшей дочери императрицы, Анны Петровны, с герцогом Голштинским, Карлом-Фридрихом. Три дня спустя саксонский резидент доносил своему двору:

«Меня уверяют, что после свадьбы герцог Голштинский три раза не ночевал дома – или по нежеланию жены, или из-за московской гризетки, которая здесь. Мать в отчаянии, что пожертвовала дочерью». Впрочем, сама принесенная в жертву дочь вовсе не приходила в отчаяние. На следующий год тот же дипломат

писал, что она вознаграждает себя, ночуя «то у одного, то у другого», в обществе своей двоюродной сестры, будущей императрицы Анны I.[26 - Hermann.]

Введение этой голштинской ветви в дом Романовых и в русскую историю было последнею мыслью Петра Великого. Единственный сын старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софии и Фридриха IV, герцога Голштинского, мужа Анны Петровны, по-видимому, ждал со временем наследие дяди. Побезденный при Полтаве Карл увлек и несчастного принца в своем падении. Собственные владения его сделались добычей Дании, так что, не зная куда податься, герцог, наконец, решился искать приюта в России, где его ждало неожиданное счастье. Болезненный, некрасивый, не умный, он не имел ничего, чем мог бы понравиться. Однако он настолько понравился Екатерине, что она пожелала иметь его зятем, и Петр одобрил ее выбор. Как претендент на шведскую корону и законный владетель земли, захваченной Данией, молодой человек соглашался на различные комбинации высшей политики. Екатерина, не занимавшаяся политикой, унесла с собой тайну своего предпочтения; но можно догадываться о его причинах. Симпатии между пороками – одна из самых неизменных законов природы. Анна Петровна не сразу согласилась. Она, по-видимому, заслуживала лучшей партии. Даже Шантро, которого нельзя заподозрить в лести, говорит, что она была «красавицей», а передаваемый им анекдот о графе Апраксине, навязчивое ухаживание которого она отвергла, показывает, что княжна была не глупа. Когда этот слишком предприимчивый ловелас подал ей шпагу, прося смерти от ее руки, если она отвергает его, она сделала вид, что хочет действительно пустить в ход оружие, и обратила нахала в бегство.[27 - Chantreau. Voyage en Russie. 1794.] После замужества, только несколько отсроченного смертью Петра, она, как мы видели, не отказывала себе в развлечениях, между тем как восшествие на престол Екатерины выдвинуло герцога в первый ряд и сделало из него ближайшего советника и доверенного тещи. Через несколько месяцев он вместе со своим министром Бассевичем был как бы чем-то вроде регента.

Подругой ночных развлечений его жены была Анна Курляндская, дочь старшего брата Петра, Ивана, овдовевшая в 1710 г., т. е. на второй день своего брака. Петр устроил эту свадьбу между двумя поездками по Германии, действуя также не без задней мысли, оказавшейся гениальной идеей. Вассальная связь, соединявшая Курляндию с Польшей, ослабела с течением времени, и герцогство уже давно являлось лакомым кусочком для других, более сильных соседей. Герцог Курляндский не успел отвезти жену домой: он умер дорогой, упившись на своей свадьбе. Я рискую еще раз навлечь на себя обвинение, что рассказываю

сказки! Петр, тем не менее, пожелал, чтобы Анна Ивановна жила в Митаве. Она там скучала и под различными предложениями часто являлась на берега Невы, где тоже находила себе утешения. Ее агентом в Петербурге был Рейнгольд Левенвольд.

Левенвольд принадлежал к семье, происходившей из Люнебурга, но поселившейся с тринадцатого века в Ливонии; он служил в шведской армии, а после Полтавы перешел на сторону победителя. Очень способный к интриге, он воспользовался герцогиней Курляндской, чтобы приблизиться ко двору, и служил ей, составив целую приверженную ей партию, центром которой была очень живая и влиятельная особа, княгиня Волконская, урожденная Бестужева. Анна Иоанновна, которую ее Курляндское герцогство кормило плохо, постоянно[28 - Хмыров. Графиня Головкина и ее время.] и сильно нуждалась в деньгах, и ее друзья удовлетворяли ее требованиям, обирая ее сестер, кричавших «караул». Получив за эти услуги право являться ко двору запросто, ловкий придворный сумел воспользоваться им для своей выгоды. Типичный представитель немцев, державшихся «тише воды, ниже травы», а при последующих царствованиях заявивших такие громкие притязания, Левенвольд старался всеми силами устроить свою карьеру. Красивого, но ничтожного при его прекрасных манерах, тратившего на игру и другие прихоти большие суммы денег, получаемые от женщин, искусного устроителя праздников и интимных пирушек, его принял с распростертыми объятиями кружок, среди которого Екатерина вознаграждала себя за лишения минувших дней. Он сделался ее возлюбленным наравне с Петром Сапегой. С последним, принадлежавшим к одной из знаменитейших польских семей, в России появляется новый вид авантюриста-перебежчика, которые при катастрофе, постигшей в недалеком будущем их родину, должны были заботиться о спасении своего достояния ценой, обыкновенно уплачиваемой за подобные компромиссы. Отец его, бывший кандидатом на высшую военную должность в республике, умер русским фельдмаршалом и секретным агентом на жаловании своих новых государей.[29 - Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Переписка Маньяна, а позднее Берниса с Лопиталем. Письма от 20 декабря 1728 г. и от 1 октября 1758 г.] Судьба, еще более выгодная, но еще менее славная, ожидала его сына. Рассказывали, что Екатерина была крепостной двум дворян; этим объясняется их прибытие в Петербург после возвышения их бывшей «холопки».

Вот из кого состоял двор! Не извинительно ли, что дипломатический корпус, знавший только его и, видя, что он предавался своим естественным наклонностям, судил о правительстве по лицам, как бы составлявшим его? Лефорт, например, писал:

«14 июля 1725 г. Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, он не в состоянии позаботиться обо всем. Все стоит; ничего не делается... Никто не хочет взять на себя никакого дела... Дворец становится недоступным; всюду интриги, искательство, распад...

25 мая 1726. — Боюсь прослыть за вряля, если опишу придворную жизнь... Кто поверит, что ужасные попойки превращают здесь день в ночь... О делах позабыли; все стоит и погибает...

15 марта 1727. — Казна пуста; денег не поступает, никому не платят... Одним словом, не нахожу красок, чтобы описать этот хаос».[30 - Сборник. III.]

Но так было только по видимости. Без сомнения, Екатерина была неспособна заботиться об обширном хозяйстве, выпавшем на ее долю и не походившем на те, в которых ей приходилось блистать в ту пору, когда она стирала белье Меншикова, или позднее, когда готовила своему новому хозяину его любимые блюда. Она была в состоянии присутствовать на учении какого-нибудь полка и находить удовольствие в подобном зрелище. Она снова жила лагерной жизнью, привычной ей в течение стольких лет. А кроме того, там можно было видеть красивых молодцов и сделать выбор между ними. Но, между двумя чарками водки, заботы императрицы, также как и способности ее, не шли дальше этого. Очевидно, она вовсе и не помышляла о том, чтобы управлять. А правительство, между тем, существовало. Оно, правда, не знало, в какую сторону броситься среди хаоса, описываемого саксонским агентом, но все же не погибало в нем, без чего это царствование и последующие, немногим отличавшиеся от него, наверное были бы гибелью России. Царству женщин противостояло в России, как и в других странах, естественная противоположная партия, одновременно гибельная и спасительная: фаворитизм, историческое значение которого и физиономию я постараюсь обрисовать. Это явление не вполне разрешает загадку, сбивавшую с толку всех современных наблюдателей: поддержание и развитие огромной державы при условиях, по всей видимости, способных привести ее к гибели.

Россия имела другие причины для жизни и роста, и я также постараюсь выяснить их. Но участие во власти Меншикова и Потемкина было одним из необходимых факторов этой столь изумительной судьбы.

Фаворитизм. Меншиков

I. – Историческое происхождение фаворитизма. – Борьба Меншикова с его соперниками. – Острое столкновение. – Учреждение Верховного Совета. – Характер и последствие реформы. – Периодический упадок самодержавия. – Екатерина не имеет никакого значения. – Самодержавие и фаворитизм в опасности. – Мечь Меншикова. – II. Вопрос о престолонаследии. – Агитация в пользу Петра Алексеевича. – Проект замужества. – Вмешательство Дании и Австрии. – Граф Рабутин. – Девица Крамер. – Петр Алексеевич, жених Меншиковой. – Торжество фаворита. – Смерть Екатерины. – Ее завещание. – Восшествие на престол Петра II. – III. Общие итоги царствования. – Участие Екатерины. – Ничтожество и грязь. – Почему Россия не последовала за ней в этом падении. – Страна и ее естественные богатства. – Задатки силы и причины слабости. – Преобразование без преобразователя. – Бессилие страны продолжать. – Финансовые затруднения. – Экономия поневоле. – Спасают внешность. – Академия наук. – Внешний престиж. – Дипломатия Петра Великого. – Положение Европы. – Союз с Францией. – Причины его неудачи. – Людовик XV и Елизавета. – Угрозы войны. – Союз с Австрией. – Присоединение Пруссии. – Первый тройственный союз. – Основание его и виды в будущем. – Итог. – Внутреннее и внешнее развитие задержались, но не прекратились. – Развитие продолжается.

I

Естественное дополнение к окончательной форме женского правления – фаворитизм – имеет в России две стороны. Левенвольды и Сапеги представляют одну из них – наиболее неприглядную. С Меншиковым и Потемкиным, впоследствии, тип фаворита поднимается до степени политической общественной силы и делается одним из необходимых колес правительственной машины. Уже самодержавие клонилось к созданию подобного колеса. Я показал,[31 - Петр Великий.] как Петр – частью по личному капризу, а частью по необходимости – создал так сказать подобие себе, назначая то Ромодановского, то Меншикова, своими заместителями в некоторых основных обязанностях самодержавия. Не имея государственного учреждения, способного снять с него долю бремени разнообразных обязанностей, державших на нем, обособленное и сосредоточенное в самом себе самодержавие рушилось под тяжестью этих

обязанностей, даже в том случае, если его представителем являлась личность исключительной мощи. Екатерина I и ее ближайшие преемники даже не помышляли о том, чтобы нести тяжесть, и она сама собой скатывалась на плечи стоявших вблизи. После смерти Петра, Меншикову оставалось делать только то, что он делал десятки раз прежде, когда царь отсутствовал или предавался развлечениям. И на другой день после смерти, так же, как накануне, административные органы – Сенат, коллегии, различные канцелярии – оказывались неспособными ни на какую инициативу. Меншиков заменял ее и продолжал управлять по-прежнему. Он сделался повелителем.

По какому праву? Как постоянный заместитель царского авторитета, хотя подобное исполнение неограниченной власти и не было обусловлено никаким законом. Такова неотъемлемая черта фаворитизма, где бы он ни проявлялся.

Применение на практике такого режима не обошлось без затруднений. При жизни Петра, когда фаворит исполнял обязанности государя, последний стоял позади его, давая свои согласия на временные распоряжения своего второго я. Екатерина желала подражать своему супругу; но у нее не было железной руки реформатора, и среди окружающих императрицу Меншиков нашел себе соперников. Герцог Голштинский с первых дней проявил намерение потягаться с ним и не подчиняться высокомерию, все усиливавшемуся в этом бывшем пирожнике. Бассевич старался еще раззадорить честолюбие и подозрительность своего герцога. У Меншикова не было ни гибкости, ни такта, чтобы устранить последствие этого. Однажды, когда он представил принцу своего восьмилетнего сына, мальчик вздумал встать во время приема, и все придворные последовали его примеру; а Меншиков и не подумал найти излишним подобное выражение почтения. Этот инцидент вызвал скандал. Появились и другие недовольные. Победенные 28 января, но не примирившиеся, Голицыны и Долгорукие не расставались с мыслью о конституционной олигархии. Внутренняя жизнь страны частично зависела от хода этой борьбы.

В конце 1725 г. она повела к острому столкновению. Один из немцев – сотрудник Петра, отысканный им незадолго до смерти и предназначенный в будущем к великой роли, инженер Миних, был занят в это время скромной работой: постройкой Ладожского канала. За недостатком других рабочих, ему давали солдат, и в 1726 г. он потребовал их 15 000. Сенат намеревался удовлетворить его просьбу, когда Меншиков взял на себя доложить высокому собранию, что оно не может располагать ни одним человеком, каково бы ни было его постановление. Подобный способ решения вопросов был совершен в

господствующем духе, но Петра уже не существовало, чтобы санкционировать его, и результат получился иной. Сенат выказал недовольство. Некоторые его члены выразили намерение не ездить более на заседания, и распространился слух, что возникшее неудовольствие этим не ограничится. Кампредон ждал революции. Он видел в перспективе правительство, «приблизительно вроде английского», и слышал, что подобный проект уже составлен и тайно послан в украинскую армию, откуда и «начнется движение». Действительно, идея подобного конституционного преобразования носилась в воздухе, и голштинская и олигархическая партии старались осуществить его, каждая по-своему. Даже в Сенате остатки старой знати, ослабленной реформами, сходились с людьми, недавно возвысившимися, вроде Ягужинского, находя невыносимым деспотизм фаворита.

Меншиков испугался и довольно ловко пошел на компромисс, отразившийся, подобно большинству такого рода перемен, прежде всего на собрании, первоначально вызвавшем столкновение. 3 февраля 1726 года вышел указ об учреждении Верховного Тайного Совета из девяти членов, в руки которых должны были перейти важнейшие, как внутренние, так и внешние, государственные дела. Иностранцы не сразу поняли смысл подобного учреждения. Кампредон видел в нем дело самого Меншикова и Толстого, имевшее целью утвердить поколебавшийся авторитет Екатерины и собственную власть, но не без некоторых противоречий; а также он упорно продолжал видеть в новом учреждении переход к английскому или шведскому образу правления.[32 - Деша от 26 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.] Это был только переходный компромисс.[33 - Травевский. История России; Ключевский. Лекции по русской истории.] Старая знать получила с Апраксиным и Дмитрием Голицыным представительство в Совете, дававшее возможность удовлетворять ее стремления и неприязни, а герцог Голштинский заседал в Совете рядом с Толстым и Меншиковым. Власть разделили между собой, не позаботившись, однако, определенно разграничить ее. Это послужило, отчасти, причиной неуверенности общественного мнения того времени, находящему еще и теперь отголосок в ученых спорах. Но в сущности произошла только замена одних лиц и имен другими. Учреждением нового органа у Сената отнимались три функции – законодательная, исполнительная и судебная, которые до того времени принадлежали ему. Теперь ему остались одни крохи. Таким образом реформа получила характер простой замены. В организации, полученной им от Петра, Сенат уже представлял собой скорее Совет, чем Палату. В нем заседало всего одиннадцать членов, большинство которых имело еще другие должности, так что в действительности присутствовало всего трое или пятеро.[34 - Филиппов.

История Сената.] Он и теперь еще сохранял теоретически, некоторую инициативу в делах законодательства; но ему приходилось уже предлагать свои проекты на рассмотрение Совета, вместо того, как то делалось прежде, чтобы подавать их на утверждение императрицы. Точно также в области администрации и административной юстиции, где его полномочия оставались, в сущности, очень обширными, совет отнимал у него только главенство в этой обширной компетенции. Однако никаким текстом не было урегулировано распределение, так что в первые минуты возникло, даже среди прямо заинтересованных, сомнение в действительности уменьшения этого главенства – *diminutio capitis*. Последующий указ от 9 февраля еще увеличил неуверенность, приказав Сенату «прерываться в прежнем состоянии и достоинстве», и сохранить в официальной переписке за ним наименование «Правительствующего Сената». Переход совершался постепенно, мало-помалу: указом от 7 июля 1727 г. уменьшалась сфера деятельности сенаторов в делах уголовных: указ 27 июля 1727 г. отнял у них управление Малороссией. И так далее.

В обстоятельствах, предшествовавших возникновению и развитию нового органа, действительно крылся зародыш реформы, важной в другом отношении, и почти революции. При более близком взгляде, Совет и его деятельность являются следствием внутренней работы, происходившей в продолжение веков в автократическом режиме под двойным влиянием его теоретического всемогущества и действительной слабости – антагонизма между личной властью и принципом представительства, вызвавшего в нем самом постепенное разложение. Рассмотренное нами столкновение с его исходом может послужить только примером такого антагонизма, точно так же, как образование в прошлом различных специальных советов, во все времена заступавших место абсолютизма в эпохи его периодических ослаблений.[35 - Сергиевич. Лекции по истории русского права.] И абсолютизму Екатерины I грозила окончательная гибель в этой многовековой борьбе. Протоколы заседаний нового Совета содержат в этом отношении весьма назидательные указания. 23 декабря 1725 г. члены Совета после заседания в отсутствие ее величества перешли в апартаменты императрицы, и... прежде послушали, как играют куранты недавно купленных часов, а затем государыня соблаговолила принять доклад, чтение которого продолжалось полчаса. После того она отправилась обедать, пригласив и советников к столу. Она отдала делам все внимание, на какое была способна. В следующем году, с 1-го января по 6 мая, день ее смерти, она ни разу не присутствовала в заседаниях Совета.[36 - Протоколы Совета, опубликованные в «Сборнике». Сравн. Филиппова.]

Таким образом применяемое, самодержавие превращалось в совершенную фикцию. И скоро Совет ограничил эту фикцию даже в том, что, дольше всего сохраняется из всех внешних проявлений власти, обреченных на гибель: ни в формуле присяги, приносимой советниками; ни в указах, исходивших из Совета, – нигде Екатерина не называется самодержицей. Потому что они, эти советники, имели – или присвоили себе – право законодательной деятельности *motu proprio*. Вопрос этот спорный и не решен окончательно и до сих пор; но указ от 4-го августа 1756 г., измененный Советом уже после подписания его императрицей, по-видимому, решает спор. Мера была принята в отсутствие Меншикова и направлялась против него, а именно против обычая устных распоряжений, имевших силу закона, давать которые фаворит присвоил себе привилегию. Тем более знаменателен поступок Совета. По букве, указы Совета всегда бывали именные, от имени императрицы, так как предполагалось, что она председательствовала на всех собраниях. Мы видели, как оправдалось это предположение.[37 - Взгляды Г. Филиппова, которых я придерживаюсь, оспаривались М. Алексеевым, вначале как бы разделявшим их в «Истории русского политического права», но затем ставшего на сторону противоположного мнения. См. брошюру: «Легенда об олигархических стремлениях Верховного Совета». – Валишевский.]

Захват власти, осуществленный таким образом, получил, наконец, вполне законное и неопровержимое признание в завещании Екатерины, которым во время малолетства великого князя Петра Алексеевича за регентством признавались все права самодержавного государя.[38 - Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором... 3) Во время малолетства имеют администрацию нести обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного Совета, который обще из 9 персон состоять имеет... 5) И сим имеет полную власть правительствующего самодержавного государя, такого определения о сукцессии ни в чем не отменять. – Из завещания Екатерины.]

Первым, для чего советники воспользовались этими правами, было: не обращать никакого внимания на последнюю волю императрицы в других отношениях. Но со временем борьба, склонявшаяся как будто к поражению самого фаворитизма, как прямого продукта единодержавия, и к исключению его из будущих судеб страны, доставила Меншикову самый блестящий случай взять реванш; так что он одно время был в состоянии составить противовес судьбе своих противников и направить им во вред все свои прежние преимущества.

Выбор, сделанный солдатами Екатерины, вручившими ей власть самодержицы, скоро являлся перед ними в своем настоящем свете, т. е. в свете поступка очень необдуманного. Екатерине шел пятидесятый год, и ее здоровье, уже сильно пошатнувшееся, требовало осторожности, о которой она и думать не хотела, предаваясь удовольствиям и кутежам во всех видах. Скоро стало ясно, что она долго так не протянет, и возможность ее близкой смерти ставила творцов ее карьеры в очень затруднительное положение. Если бы наследником оказался сын Алексей или одна из дочерей Петра, Меншикову и Толстому грозила бы одинаковая опасность. От мужа герцогини Голштинской им не стоило ждать ничего хорошего. Сестра ее, Елизавета, которую тщетно старались пристроить во Францию – мы еще вернемся к этому эпизоду – нашла в 1726 г. партию гораздо менее блестящую, и также в голштинской семье. Ее жених, двоюродный брат ее деверя, брат одного из многочисленных претендентов на курляндский престол, а пока что епископ (любекский), умер до свадьбы, и задача осталась прежней. Человек, за которого Елизавета могла выйти, со временем мог также оказаться врагом. Остерман, будущий государственный человек, уже начинавший выдвигаться, встревожил было фаворита и его друзей своим предложением соединить обе соперничавшие ветви потомства Петра браком между теткой и племянником, между Елизаветой и сыном Алексеем. Церковь не позволяла такого союза, но уже само возникновение подобного проекта при всей его невыполнимости указывало, что все убеждены в невозможности, чтобы молодой великий князь был обойден вторично. И духовенство, и народ видели в нем законного наследника. Архимандрит нижегородского монастыря Исаия поминал на ектеньях «благочестивейшего великого государя нашего Петра Алексеевича», и когда ему возражали, отвечал: «Хотя мне голову отсекуте, буду так поминать, а против присланной формы (Благоверного великого князя) поминать не буду, потому что он наш государь и наследник». В тайную канцелярию то и дело доставляли мужчин и женщин, виновных в том, что они высказывали подобные же взгляды.[39 - Соловьев. История России. Т. XIX. Ссылка на «Дела Тайной канцелярии» в Государственном Архиве.]

Предписание церквам поминать на ектеньях цесаревен прежде царевича, первенство, отданное герцогу Голштинскому перед маленьким Петром в официальных церемониях, только раздражали общественное мнение, которому постоянно чудилось вмешательство вооруженной силы. Опять пошли толки об украинской армии. Говорили, что она уже на пути.

Без сомнения, неожиданное выступление, посредством которого Меншиков в 1726 г. вздумал бороться с Морицом Саксонским в Курляндии и водвориться там

вместо его, было следствием подобного тревожного положения вещей. Я ниже коснусь того, как авантюра окончилась неудачей для обоих претендентов. Но Меншиков не замедлил подыскать себе исход гораздо более выгодный.

Возможность восшествия на престол одной из дочерей Екатерины угрожала также Дании из-за шлезвигского спора. Сознвая свое бессилие устранить опасность одними собственными силами, датский министр Вестфаль обратился к своему коллеге, австрийскому послу. Петр Алексеевич приходился племянником германской императрице, что создавало для представителя Германии привилегированное положение. Принадлежавший к древней бургундской фамилии родственной по матери голштинскому дому (она была принцессой Голштин-Визенбургской и происходила от ветви этой фамилии, поселившейся в Саксонии и Силезии) граф Рабутин имел связи в обоих лагерях и поэтому пользовался большим влиянием. Он придумал, чтобы уладить все, исход еще более своеобразный, чем план Остермана.

У Меншикова было две дочери, для которых он метил очень высоко. Он отказал принцу Ангальт-Дессаускому, сватавшемуся за одну, под предлогом, что мать принца слишком низкого происхождения. Говорили, что она была дочерью аптекаря. Старшая, красивая, грациозная и скромная, по словам современников – Мария Александровна с 1727 г. была невестой Петра Сапеги. Она обожала своего жениха, что было вовсе не по душе Екатерине, которая все отсрочивала свадьбу. Вдруг императрица решилась расстроить ее совсем и выдать за Сапегу свою племянницу Скавронскую, вероятно надеясь, что та не будет так же расположена к своему мужу. Сапега благодушно покорился, но Меншиков ворчал, говорил о вознаграждении, которое ему обязаны дать, и Рабутин подвернулся как раз кстати, указав ему этот проект, до которого сам фаворит, несмотря на свое безграничное честолюбие, может быть и не додумался бы. Во всякой другой стране проект сочли бы безумством; но ловкий дипломат знал, с кем имеет дело. Девушка Крамер получила 30 000 червонных, чтобы расположить императрицу в пользу проекта,[40 - Щербатов. Записки. 1828; Долгоруков. Записки.] и в марте 1727 г. по Петербургу разнеслась весть, что Петр Алексеевич назначен по завещанию Екатерины ее наследником, и что он женится на девице Меншиковой, а отец последней по этому случаю получает от императора Карла VI грамоту на владение герцогством Козель в Силезии с принятием в число владетельных князей европейских.

Напрасно обе цесаревны бросились к ногам матери, умоляя не наносить такого позора дому Романовых; Меншиков одержал верх, найдя сильную поддержку во

главе старой вельможной партии, Дмитрии Голицыне, не видевшем другого средства возвести на престол сына Алексея. Можно себе представить ярость и гнев Толстого, которому изменил его друг, и теперь грозили, наверное, преследования. Он пытался оказать отчаянное сопротивление. Обманутый Апраксиным, всегда малодушным, лишенный поддержки Ягужинского, которого Меншиков благоразумно удалил под предлогом поручения в Польше, Толстой нашел союзников только в лицах, имевших мало влияния: в Бутурлине и Девьере.[41 - Настоящая фамилия этого авантюриста-португальца была, по-видимому, де Виейра.] Да и эти не сходились между собой. Девьер склонялся на сторону Анны Петровны, походившей, по его словам, на отца, а Толстой предпочитал Елизавету, потому что муж герцогини Голштинской, без сомнения смотрел на Россию только как на ступень к шведскому престолу. Стокгольм еще сохранял престиж в Петербурге! Никто не отваживался на решительный шаг у Екатерины. Один сваливал поручение на другого. Прошли недели и месяцы в бездействии, как вдруг 10 апреля 1727 г. Екатерина заболела. Уже 8 марта Лефорт писал на своем варварском французском языке: «Царица, по-видимому, серьезно больна опухолью в ногах, поднимающейся к бедрам и не предвещающей ничего хорошего. Считают, что причина – злоупотребление спиртными напитками.[42 - Hermann.]

Сила будущего тестя, будущего императора, зависевшая от его положения, вполне проявилась по этому случаю так же, как полное ничтожество всех правительственных учреждений, когда какое-нибудь из ряда вон выходящее обстоятельство требовало их вмешательства. Меншиков вполне забрал Верховный Совет в свои руки, и он творил его волю. Было решено считать Петра Алексеевича несовершеннолетним до 16 лет, а регентом на это время быть его тестю, хотя по праву управлять должен был Совет.

При совершеннолетию племянника, две цесаревны, Анна и Елизавета, должны были получить каждая по 1 800 000 рублей и бриллианты матери, разделенные поровну.

Толстой счел свое дело потерянным и притих. Но Меншикову были известны все его прежние происки, и он воспользовался некоторыми необдуманными поступками Девьера, чтобы устранить всех участников заговора. У него были, кроме того, старые счета с португальцем, с которым ему пришлось поневоле породниться, выдав за него свою сестру. Девьер был арестован. Обвинительный акт против Бесчастного был образцом уголовного процесса того времени. Девьера обвиняли в том: 1) что он не только не был в печали при жестокой

болезни параксизмуса ее величества, но и веселился и плачущуюся Софью Карлусовну (Скавронскую), племянницу императрицы вертел вместо танцев и говорил ей: «Ненадобно плакать». 2) В другой палате сам сел на кровать и посадил с собой его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал; в тот же час и государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и стояв у стола плакала; и в такой печальный случай он, Девьер, не встав против ее высочества и не отдав должного рабского респекта, но со злой своей предерзостью говорил ее высочеству, сидя на той кровати: «О чем печалишься, выпей рюмку вина...» 4) Его высочество напоминал, что его высочество сговорил жениться, а они за нею (за невестою его) будут волочиться, а его высочество будет ревновать».

Все эти обвинения служили, конечно, только предлогом, чтобы начать розыск с его обычными приемами – пыткой и кнутом. В застенке Девьер признался в своем сообщничестве с Толстым и Бутурлиными. Последний, имевший влиятельных родственников, отделался ссылкой в свои поместья. Двое других были «лишены чина, чести и деревень» и сосланы Сибирь. Относительно Девьера еще прибавлено по приказанию Меншикова: «Девьеру, при ссылке учинить наказание, бить кнутом».[43 - Дело Девьера в Государственном Московском Архиве; Соловьев. Костомаров. Монографии. XVI; Алабин. Биография Бутурлина, в «Русской старине».]

Но казалось, очевидным, что и обе цесаревны принимали участие в заговоре. Испуганный герцог Голштинский поспешил вступить в соглашение с временщиком через посредство Бассевича, Меншиков оказался сговорчивым, согласившись на то, чтобы обеим цесаревнам было выдано немедленно по миллиону и чтобы они не были забыты при установлении порядка будущего престолонаследия. Герцог даже добился утверждения обещания, данного Петром, поддержать при случае притязания его (герцога) на шведскую корону. Все это должно было найти себе место в завещании императрицы, новую редакцию которого составил Бассевич. Меншиков же взял на себя заботу о подписании его государыней. Наконец, из миллиона, назначенного принцессе Голштинской, фаворит выговорил себе 60 000 рублей, не ожидая, что ему скоро придется ответить за это мошенничество.

Все это происходило в первых числах мая. Екатерина умерла, и тотчас же завещание, устанавливающее права Анны и Елизаветы, на тот случай, если бы Петру Алексеевичу пришлось умереть без наследников, было прочитано в присутствии членов императорской фамилии, членов Верховного Совета, Сената,

Синода и Генералитета. Завещание явно нарушало закон престолонаследия, установленный Петром Великим, а также закон естественный, вовсе не упоминая о законных дочерях Ивана, старшего брата, перед которыми было оказано предпочтение незаконным дочерям меньшего брата. Сапега, не отходивший от смертного одра императрицы, утверждал, что она ничего не подписывала. Но большинство было удовлетворено признанием, наконец, прав сына Алексея. Все поздравляли молодого императора, как поздравляли Екатерину, а народ принял это новое царствование так же, как предыдущее, не спрашивая о причинах. Секретарь императорского кабинета, Макаров, уведомил о восшествии на престол Петра главное лицо тогдашней Москвы – графа Мусина-Пушкина любопытным письмом, где Петр II является одновременно государем по завещанию, по избранию и по наследству: «По ее величества тестаменту, учинено избрание на престол Российский новым императором наследственному государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу».[44 - Соловьев. Ссылка на Записную книгу кабинета в Государственном архиве и о слухах относительно подложности завещания на донесение Лефорту.]

Екатерина царствовала два года и два месяца. Я постараюсь теперь подвести итоги этого царствования с двойной точки зрения: внутренней и внешней политики.

III

Личное участие Екатерины в этом правлении не велико, как уже было указано. Оно вначале ограничилось раздачей наград и рядом мер, вознаграждавших многочисленных более или менее важных опальников прошедшего царствования. В Петербурге появилась целая толпа как бы выходцев с того света: Шафиров, Скавронский-Писарев, Лесток и монах Суздальского монастыря, замешанный в деле Евдокии, а также друзья несчастной царицы и родственники Глебова. Ушакову, палачу Монса и его сообщников, было поручено вернуть из Сибири поверенную преступной любви, чуть было не погубившей Екатерину, Матрену Балк и ее детей. Секретарь казенного любовника, Столетов, шут Балакирев, тоже запутанный в трагическом процессе, были возвращены из каторжных работ, а документы, относящиеся до этого знаменитого процесса, запечатаны, за исключением одного письма, вероятно, особенно компрометирующего, которое было сожжено.[45 - Семевский. Екатерина Алексеевна.]

Одна только Евдокия не воспользовалась милостями императрицы. Ее, правда, вывели из монастыря, где она была заточена, но только для того, чтобы поместить в более надежную тюрьму: в Шлиссельбургскую крепость. Правда, на ее содержание были назначены достаточные суммы; но это не мешало ей временами даже голодать. Деньги расходились по рукам тюремщиков, а Екатерине некогда было наблюдать за их употреблением.

Она веселилась. А если и случалось ей вмешиваться в дела правления, то не к пользе их. Как мы видели, она присутствовала на парадах, и вздумала также присутствовать на морских учениях и сама руководит морскими маневрами. Но это не мешало генерал-адмиралу Апраксину замечать, что у его матросов нет одежды, даже иной раз рубашек. Суда старели и не возобновлялись. В продолжение всего царствования спустили только два линейных корабля. В 1726 г. было приказано вооружить войско, но не оказалось денег. Адмиралу пришлось выдать займы 2000 рублей из своего кармана на неотложные нужды.[46 - Веселый. История флота.] Петр обрел в Мариенбургской пленнице подругу, подходящую к его вкусам и привычкам; но она всегда была только вьющимся растением, обвивающимся вокруг могучего ствола. Когда великан-дуб пал, то она распласталась по грязи, вернувшись к ничтожеству.

Предположив, что Россия последует за Екатериной в этом падении, современные наблюдатели сильно ошибались также и относительно того, что составляло сущность и величие предыдущего царствования. Необузданная энергия и героическая мощь преобразователя работали над организмом, сильным уже самом по себе и способным существовать и даже расти дальше, извлекая из собственных запасов элементы силы и роста. Конечно, теперь, казалось, отсутствовал импульс, заставивший страну одним скачком перескочить через стадии прогресса, в других местах измеряемые веками. Народная масса, ничего не понимавшая в реформах, не имела ни желания, ни возможности продолжать идти этим путем, цель которого не видима, тем же шагом, уже начавшим утомлять даже самого Петра. Для того же, чтобы продолжать личное дело реформатора, у его естественных наследников, кроме Екатерины, с Меншиковым во главе, не хватало ни направляющей идеи, ни даже технических знаний. Петр их приставил к работе, как сам за нее стал, без подготовки, без согласования между поставленной задачей и способностью ее выполнить. Он также не давал себе труда посвятить своих сотрудников в общий план здания, которое намеревался строить. Большинство не знало ни цели, ни назначения мелких подробностей, поручаемых их выполнению. Наконец, большая часть была искателями приключений, видевшими в этой работе только заработок или способ сделать карьеру. Предоставленные самим себе, они пошли к тому, что их

больше интересовало, а главное, занялись придворными происками.

Царствование Екатерины составило застой в начавшемся развитии. Но, может быть, это еще не было несчастьем. Действительно, кажется, что Петр своими колоссальными размерами и блеском своего гения заслонял неспособность страны выдержать, пока, в целом эту цивилизацию, которую на нее навалили. Точно также при введении нового порядка вещей, некоторые недостатки слишком поспешной постройки укрылись от взгляда преобразователя, а теперь выступали наружу. В этой стране – как я уже сказал и как показало близкое будущее – скрывались ресурсы огромные, но еще малопригодные для употребления их согласно ученым формулам западной экономики: была масса человеческих жизней, которыми можно было распоряжаться; не было недостатка в людях, преданных и мужественных, но богатых было немного; больше подданных, готовых идти на смерть за своего государя, чем способных отдать хотя бы несколько рублей в его казну. Крепкая вера реформатора в быстрое развитие промышленности и торговли, недавно созданных, не подтвердилась. Доходы не только не увеличивались, но, напротив, уменьшались в ужасающих размерах. В 1725 г. едва-едва собирали десять миллионов рублей – нищенство для большой европейской державы, которую приходилось поддерживать на известной ноге. А в ближайшие годы доходы спустились даже до 8 миллионов! Это явление нетрудно объяснить, если вспомнить о временном распределении общественных и экономических сил. Долю промышленного и торгового класса приходилось в 1722 г. – год первой ревизии — всего 2,9 %, т. е. 172 000 душ, да шесть миллионов составлявших население Великой России. В последующее пятидесятилетие прирост в этом отношении самый незначительный, и цифры поднимаются только на 196 тысяч и 6 400 000. Для всей империи данные, собранный одним современным дипломатом, Вокеродом,[47 - Russland unter Peter dem Grossen.] оказываются еще менее утешительными. Дворянство, чиновники и духовенство составляют 3,8 %, 1,5 % и 2,3 % горожан. А остальные? Остальные, т. е. 90 %, были крестьяне. Новый режим, навязанный стране, ложится особенно тяжело и именно на этот последний класс, единственный действительно продуктивный, и один он не был в состоянии вынести этой тяжести. Уже в 1724 году оказалось миллион недоимок от невзноса подушной подати, т. е. 25 %. Административная система, введенная Петром, сама по себе была создана, чтобы делать более тяжелой непропорциональную тяготу податей, лежавшую на этих единственных плательщиках. В основании этой системы лежали два элемента весьма различного происхождения и значения: коллегиальная организация и привлечение к делу местных сил – первое происхождения заграничного, второе – освященное народной традицией. Первый элемент оказался на практике

совершение непригодным, и, уничтожая его, наследники великого человека только повиновались инстинкту самосохранения, второе начало могло и должно было дать хорошие результаты в будущем; но опыты, делаемые с его приложением, без Петра, показались преждевременными. В этом отношении, как во многих других, преобразование без преобразователя походило на машину, которую лишили двигателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. Валишевский. Петр Великий. Депеша датского посла Вестфаля, Москва 24 апреля (5 мая) 1729 г. в Сборнике Императорского Русского Исторического Общества, LXVI. То же свидетельство о завещании в записках Кампредона. (1724). Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Т. XIX.

2

Böschings Magazin. XI.

3

Германн. Geschichte des russ. Staats, со слов Басевича. Также В?schings Magazin. XI.

4

Соловьев. История России. Т. XVIII; Германн, IV. Соловьев основывается главным образом на переписке французского посла Кампредона.

5

Брикнер. «Вестник Европы», 1894. На основании донесений венского резидента Гогенгольца.

6

Костомаров. «Монография» и «Исторические изыскания».

7

Дитятин. Этюды к русскому государственному праву.

8

Так называл Екатерину II Вольтер.

9

Дым.

10

См. Петр Великий.

11

«А понеже во время пития вод домашней забавы дохтуры употреблять запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели бы при мне была». Из Шпа в 18 день июня 1717. (Письма русских государей. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел).

12

Возлюбленный – galant.

13

Самого Петра.

14

Сын Петра и Екатерины, тоже Петр, умерший по второму году.

15

Письма русских государей и других особ царской семьи. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел.

16

Документ от августа 1726 г. Архив французского Министерства иностранных дел. *Memoires et documents – Россия*. Т. V.

17

«Русский Архив», 1847, т. I.

18

Декабря 5. Дано Ивану Семенову сыну Горецкому, который поднес ее величеству книгу, грамматику французскую в день тезоименитства ее величества... 20 червонных.

Марта 14. Изволила ее Императорское величество пожаловать княгине Наталье Петровне Голицыной 23 червонных, для того, чтобы она плакала по сестре, и она плакала того же числа.

21 декабря. Дано садовнику Матису за поднос огурцов ее величеству 2 червонных.

24 декабря. Изволила ее величество быть в своем огороде: Дано садовнику Ивану Яковлеву 5 червонных, да садовникам же 6-ти человекам, которые при нем в науке, по 1 червонному. Садовнику Якубу Трифонову, что у него жена родила двух сыновей, дано 2 червонных.

16 января. Изволила их величество быть в зимнем доме и смотреть суки Левины детей и дано псарю Исаю 7 червонных.

16-го же. Садовнику Улфу Уффельт 5 червонных, который из Дубков привез салат и редьку в дом ее величества.

20-го же. Дано в Царском селе садовнику Якубу Кашперту 10 червонных за принос овощей и т. д.

19

Hermann.

20

При игре в кости начинали партию, говоря, например: «Масса десять пистолей».

21

Архив французского Министерства иностранных дел.

22

Корсаков. Воцарение Анны I.

23

12 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

24

1867—71 г.

25

Сборник. V. См. Есипов. Горничная Екатерины I. «Исторический Вестник».

26

Hermann.

27

Chantreau. Voyage en Russie. 1794.

28

Хмыров. Графиня Головкина и ее время.

29

Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Переписка Маньяна, а позднее Берниса с Лопиталем. Письма от 20 декабря 1728 г. и от 1 октября 1758 г.

30

Сборник. III.

31

Петр Великий.

32

Депеша от 26 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

33

Трачевский. История России; Ключевский. Лекции по русской истории.

34

Филиппов. История Сената.

35

Сергиевич. Лекции по истории русского права.

36

Протоколы Совета, опубликованные в «Сборнике». Сравн. Филиппова.

37

Взгляды Г. Филиппова, которых я придерживаюсь, оспаривались М. Алексеевым, вначале как бы разделявшим их в «Истории русского политического права», но

затем ставшего на сторону противоположного мнения. См. брошюру: «Легенда об олигархических стремлениях Верховного Совета». – Валишевский.

38

Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором... 3) Во время малолетства имеют администрацию нести обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного Совета, который обще из 9 персон состоять имеет... 5) И сим имеет полную власть правительствующего самодержавного государя, такого определения о сукцессии ни в чем не отменять. – Из завещания Екатерины.

39

Соловьев. История России. Т. XIX. Ссылка на «Дела Тайной канцелярии» в Государственном Архиве.

40

Щербатов. Записки. 1828; Долгоруков. Записки.

41

Настоящая фамилия этого авантюриста-португальца была, по-видимому, де Виейра.

42

Hermann.

43

Дело Девьера в Государственном Московском Архиве; Соловьев. Костомаров. Монографии. XVI; Алабин. Биография Бутурлина, в «Русской старине».

44

Соловьев. Ссылка на Записную книгу кабинета в Государственном архиве и о слухах относительно подложности завещания на донесение Лефорта.

45

Семевский. Екатерина Алексеевна.

46

Веселый. История флота.

47

Russland unter Peter dem Grossen.

Купить: https://tellnovel.com/valishevskiy_kazimir/carstvo-zhenschin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)